

Миф о мифе: Орфей

дыханьем жарким на щеке разбудишь —
и будет МЫ, не станет Я и ТЫ.
а дальше ты — избудешь, ты — забудешь,
ты — выберешь забыть! ты темноты

ослушаться не сможешь, не посмеешь.
о, поначалу это будет ад!
но день за днем — и память ты развеешь,
тут главное — не взглядывать назад.

теперь, когда в пергаментях истертых
мой облик проступает все скупей,
ты спустишься за мною в царство мертвых?..
ведь есть же миф! верни меня, Орфей!

Миф о мифе: Пигмалион

томясь ли чем, мечтая ли о ком
или болея виденным во сне —
я проверяла мрамор молоком*,
и он теплел и отзывался мне.

теплел и не желал назад, во тьму,
и в жилках зарождался кровоток...
я поддалась. азарт меня увлек.
я отдала дыхание ему.

.....
.....
.....
.....

* Так скульпторы выбирают мраморные блоки, проверяя их на целостность.

потом осталась мраморная плоть,
что неспособна петь или пылать.
зачем ты наделил меня, господь,
умением напрасно наделять?

и почему, найдя однажды вновь
неявленный в людское бытие
прохладный камень, прячущий любовь, —
опять отдам дыхание свое?

Миф о мифе: Лорелея

мой дом на скале голубой
и волосы рыжи.
зовут лорелей, судьбой,
сбиваются ближе.

а что мне? в высоком дому
тягучи столетья,
и нет среди этих, кому
хотела бы спеть я.

молчу, и прохладен мой лоб
(века все длиннее),
до сумерек думая: кто б
напел лорелее.

Миф о мифе: Калипсо

Сегодня все сплываются ко мне:
На острове моем сегодня праздник.
Качаются свечами на волне
Под небом в искупительном огне
Суденьшки — не считаешь разных!

Когда же фейерверк окончен мой —
На грани неприличного, галопом
Они несутся от меня домой
Не глядя, задыхаясь, по прямой
К заждавшимся за вечность пенелопам.

Концерт: Тезей

зной застилает веки. что еще
грозит Тезею?
и зал, стозевное чудовище,
из тьмы глазеет,

и долг — зaйти и покорить его
и выйти живу,
и льется звук кроветворительный
в тугие жилы,

и зал ревет, сдаваясь истово —
тоска в зените,
когда Тезей, добив на бис его,
уйдет по нити.

Считалочка на сон: Сцилла и Харибда

*Снова в жертву, как ягненка,
Тема жизни принесли.
Осип Мандельштам*

*В черной, черной комнате...
Из детских страшилок*

Ничего не говори мне!
Вот и первая строка:
Между Сциллой и Харибдой
Проплывают облака.

Под простынкой обнаженным
Человек лежит и ждет.
Над пространством прокаженным
Пролетает самолет.

Все заданья нынче — на дом.
Забиваемся в нору
И спрягаем, коли надо:
«Ты умрешь и я умру».

На немецком, на иврите,
С крошкой-сыном и отцом —
«Да и Нет не говорите
И не трогайте лицо».

И пускай течет с экрана
Сводок черная река,
Апокалипсису — рано.
Не сегодня. А пока —

Без усилия, без плана —
Полпоэмы на столе.
Спи давай, моя Светлана.
Что нам делать на земле.

Колыбельная: Герой нашего времени

*Мне стало грустно. И зачем было судьбе
кинуть меня в мирный круг
честных контрабандистов?*

**Михаил Лермонтов,
«Герой нашего времени»**

Я расскажу тебе, как отдыхает волна
Ночью, когда колыхаться устала она.

Я расскажу тебе, как, погружаясь в туман,
Лодка тайком навсегда покидает Тамань.

Я расскажу, как под узкой прибрежной тропой
Жалостно плачет оставленный мальчик слепой.

Я расскажу, как Печорин запишет в дневник:
«Мне стало грустно. Зачем я в кругу их возник?»

Я расскажу, как наутро уедет и он:
Я подсмотрю, не усну — да какой уж тут сон!

Знаешь уже, что теряю и сон, и покой,
Ночью охоту ведя за упорной строкой,

Чтоб рассказать тебе, как отдыхает волна
Ночью, когда колыхаться устала она,

Чтоб рассказать тебе, как, погружаясь в туман,
Лодка тайком навсегда покидает Тамань,

Чтоб рассказать, как блуждают огни по степи...
Спи, мой любимый. Спи.

Колыбельные бессонниц: Брамс

Над головами спящих зданий
Плывут неспешно облака,
И колыбельные страданий*
Доносятся издалека,
И нити тонкие колеблют
Небесного веретена,
И я лежу, обняв колени,
И я внимаю им без сна,

И красота ночного мира
Мне явлена в музы́ке сей,

* Выражение из письма Брамса о трех интермеццо, соч. 117 (1).

И чуткая вздыхает лира,
И их объять душою всей
Спешит. И кисею колышет
Прохлада ночи, и в окне
Все нежной музыкаю дышит,
Все млечной лаской мнится мне.

Ночной напев все невесомей,
Все дольше тянущийся звук:
Все колыбельные бессонниц,
Все колыбельные разлук,
И никуда от них не деться,
И льются, льются за края
Мерцающие интермеццо,
Мой сон, бессонница моя.

Акварельная колыбельная

Мир ловил меня, но не поймал.

Григорий Сковорода

Он умел только это, получая гроши
За фантазий портреты и пейзажи души.

Он любил только это — первоцвет, васильки,
Млечность раннего света в тихом русле реки.

Свет в каморке — вполсилы, но под кистью слышны
Пенье пеночек милых, плеск ленивой волны...

А снаружи сжимала суета, нищета.
Покупали, но мало: не просил, не считал,

Так влюбленно и кротко шел к своей высоте!
И качается лодка на бумажном листе —

Далеко посредине и реки, и листа.
Приглядимся к картине: эта лодка пуста.

Сказка об ожидании

О деве, ждущей на берегу,
Написано песен много.
Добавить вряд ли я что смогу:
Ну, берег лежит отлого...
Ну, выются волосы на ветру...
Довольно штампов расхожих:
 Все девы, в эту попав игру,
 Друг на друга похожи.

Скажу о той, кому мало дней,
Чьи очи — сна отрицанье:
Ведь только ночью и видно ей
Сигнальных огней мерцанье,
И мысли крутятся до зари:
«...да хоть бы и без улова»,
 И губы ловят неясный ритм,
 Слова слагаются в Слово.

В плену густеющей синевы
Как будто и воздух гуще.
Как много, много, о, знали б вы,
Зависит в мире от ждущих!
От их бессонниц на сей земле,
От их упрямого взгляда.
 И слово — то, что нашлось во мгле —
 Но лучше о нем не надо.

Хоть бездна звездная и близка,
Да утром светает рано
Для девы, любящей рыбака
Небесного океана.
Пусть утром нет огоньков нигде
И гибелен гнев прибоя —
Спокоен будь на любой звезде,
 Пока висит на ее гвозде
 Скафандр, забытый тобою.

Варенье

Когда-то мы были внове
На этой чудной планете.
Глазели кругом с восторгом
И все хватали руками,
Ну чисто малые дети —
И вещь не прятала сути.
И в рифму мы не умели,
Но речь сейчас не об этом.

Когда-то сны были вещи: Коперник на космодроме.
Вообще, что нужно от вещи, ее познания кроме?
Но дальше...

От вещи — пищи /духовной, ненасытимой /не всякий вообще-
то ищет: /желудок сперва хотим мы /наполнить. Еще нам надо
/вещами — владеть. В итоге /из яблок райского сада /варенья
варим потоки.

И женщин бывшего рая мы богу выдали: вот, мол, они с познанием играли, а лучше б яблочки — в подпол, в кадушки, банки, бочонки, чтоб нас зимой прокормило. Ну что с них возьмешь? Девчонки! Прости нас, бог, и помилуй с заоблачного портала: тебе там, поди, не видно, как Ева нам плод достала... А мы из него — повидло!

Теперь все будет как надо, а плод в пищевой цепочке. Тебе ведь узнать — отрада, что Фаусты — одиночки, что все Мастера — в больнице? К чему нам их озаренья? Но мы не жжем их страницы — накроем банки с вареньем! Спокоен будь за живое с рожденья и до надгробья.

А бог качал головою:
«По образу и подобию...
Но был я сюрреалистом».

Сивилла

— Приветствую, Тарквиний. Хочешь ли
Все знать вперед на много лет?
Вот девять книг. Мои пророчества.
Мне — триста золотых монет.

— Ступай, старуха суеверная.
Мне будущее по плечу.
Я эту цену непомерную
За темный бред не заплачу.

— Я повторю, Тарквиний. Хочешь ли
Знать судьбы Рима наперед?
Три книги — жгу. В шести — пророчества.
За триста. Мудрый, кто берет.

— Нет, не поверю вздорной дряни я!
Я судьбы Рима сам вершу.
А что хочу узнать заранее,
То у авгуров испрошу.

— О нет, не ты вершишь грядущее,
Глупец заносчивый! Смотри:
Здесь — неминуемое. Сущее.
Три книги жгу. Осталось три.
Сожгу и их.

...И ливень каменный,
Мор, глад, разлад, разлом земли
Тарквинию явились в пламени
И взгляд прозрением зажгли:

— Я не хочу в веках порочиться!
Сивилла, ты сильнее меня,
Когда последние пророчества
Выхватываю из огня!

Биография русалки

то ли мир обернулся толпой подобий
то ли был изначально мираж обман
тяжесть лба погружаю на дно ладоней
легкость тела водам без дна отдам

озеро обнимает теплое тело
что неспособно вытеснить свой объем
вот я и стала точно не чем хотела
чем я хотела — ведает водоем
я позабыла

озеро как влитое —
телу
озеру — тело
свежа вода

так постепенно я умерла и кто я
после всего то есть где я или когда

Опознание: Офелия

королевство краткого лета
в июле уже плащи
Офелия бродит где-то
Офелия бредит где-то
репостами поищи

они облетят полмира
(приметы: печаль на челе)
в июле сыро и сиро
и весть прилетит — спасибо! —
от некоего Милле...

Флора и филология

Розы?.. Но ведь это же — тссс! — Будущность!

Марина Цветаева

Откуда знать, что нам цветы пророчат,
Деревья шепчут? Ныне человек
Не различает даже междустрочий,
А разнотравье позабыл навек.

Что розмарин? что водосбор? что рута?
Тимьян? крапива? мята? бузина?
И если жизнь переменялась круто,
С ботаникой не связана она.

Свою судьбу по травам не читаем
И суженым судьбу не ворожим;
Однако мы растем и расцветаем,
Мы сохнем, вянем, на ветру дрожим.

Однако неприметное растенье —
Пустьяк, былинка (не об этом речь) —
В зеленом мире служит нашей тенью...
Но как ее найти и уберечь?..

Что было — отцвело и отлетело,
Иль не было... Тогда откуда миг,
Где над охапкой верб и чистотела
Рыдает неприкаянный старик?

Разум розы

*Все произведения мировой литературы
я делю на разрешенные и написанные
без разрешения. Первые — это мразь,
вторые — ворованный воздух.*

Осип Мандельштам

Пuls протестует, рая дробью частой
Меня же изнутри. Глаза сухи:
Нет сна. И есть — вина. И есть — причастность.
Но, боже мой, и есть еще — стихи!

Куда спокойней жизнь в режиме прозы.
Но мне видны, пока бреду в бреду,
И логика лозы, и разум розы,
И кислород, который я — краду!

